

Бета-тестеры Отпуск: постскрипtum

Окрестности озера Гиблого

26 июня, 21:38 реального времени

Давно прошел азарт первых лихих перестрелок, так же как и неприязнь между страйкболистами и «туристами». В хорошую привычку вошло собираться вечером всем вместе у одного костра, чтобы обменяться впечатлениями, поболтать на отвлеченные темы и выпить пива.

Ныне же лес опустел. Почти все разъехались по домам. Вскоре предстояло сворачивать лагерь и тестерам: отпуск подходил к концу. Собственно, завтра во второй половине дня их обещал взять на борт капитан «морских котиков», которые тоже задержались в лесу.

Ходили едкие слухи, что задержаться они решили исключительно из-за того, что последние несколько дней на пляже рядом с их лагерем повадилась загорать Мелисса, которой страйкбольные батальоны надоели раньше других.

Так или иначе, в тот вечер все оставшиеся в лесу собрались в лагере Бабули Флэш, чтобы у прощального костра обсудить отпуск, отведать прощального шашлыка и прикончить запасы, которые не было никакого смысла везти обратно в город. Откуда-то появилась гитара, не обошлось без старых туристических песен.

Потом рассказывали странные и страшные истории. А потом... началась Королевская Битва, или, как перевел на более понятный язык Ксенобайт, «дефматч».

— Значит так, — деловито рассказывал Банзай, расставляя карабины аккуратным рядом вдоль бревна. — Правила простые. Каждый желающий берет карабин, одну обойму и уходит в лес. Отходит не менее, чем на сто метров от лагеря. После того как уйдет последний, я дам звуковой сигнал. После этого делайте что хотите. Победит тот, кто наберет больше фрагов. Уникальный фруг считается за два. То есть чтобы получить максимальное количество очков, нужно убить каждого минимум по разу. Помните об этом, если кто-то предложит вам тактический союз. Убитый возвращается сюда, пополняет запас шариков, отмечается и может снова выходить в игру.

Для страйкболистов, привыкших работать командой, такая постановка вопроса казалась свежей и оригинальной. Тестеры коварно ухмылялись.

— Ну, Ксен, держись, — нежно предупредил Махмуд. — Банзай, запиши: первый мой скальп будет скальпом программиста!

— Записал, — спокойно кивнул Банзай. — За дополнительный квест получишь три очка! Ксен, хочешь ответить?

— Я ему там, в лесу, отвечу, — таинственно и зубасто улыбнулся программист, подхватывая свой карабин.

Мак-Мэд ушел во тьму молча, с достоинством. Перед тем как уйти, он подошел к котлу, провел по нему ладонью, собирая покрывающую его жирную сажу, и вымазал себе лицо. Ушли все бабулины «ноды» и несколько «тюленей». Банзай, пообеда оставшихся вопросительным взглядом, кивнул, поднял с земли пластиковую бутылку с отрезанным доньшком и, приложив ее к губам, натужно дунул. По ночному лесу разнесся низкий гнусавый рев, напоминающий звук страдающего астмой пионерского горна. Слышно его, вероятно, было в радиусе километра.

— Ну вот, — удовлетворенно кивнул Банзай. — Теперь, удалив тех, кто еще не настроился, мы можем спокойно воздать должное отдыху...

Лагерь

26 июня, 22:01 реального времени

Первая кровь пролилась вскоре после «открытия сезона». Собственно, сразу после

того, как прозвучал сигнал, один из засевших в кустах «нодов» тут же получил анонимный шарик чуть ниже лопатки. После короткого разбирательства на счет Мак-Мэда был записан первый «уникальный» фраг и призовое очко за «первую кровь».

Глотнув воды и переведя дух, парень взял свежую обойму и поспешил обратно в чащобу, вынашивая планы мести.

— Скоро вернется, — заметил Банзай, провожая глазами звездочку сияющего тактического фонарика. — С такой иллюминацией его за версту видать.

— Пусть делает выводы, — солидно кивнула Бабуля, которая, разумеется, тоже никуда не пошла, хотя, признаться, с тоской поглядывала на карабин.

— А ночь-то какая, — вздохнула Внучка, лежа на спине недалеко от костра и разглядывая небо. — Звезд сколько! И луна!..

— Да, луна сегодня знатная, — задумчиво кивнула Бабуля, с какой-то неясной тревогой глядя в небо. — Полнолуние...

Что-то в тоне Бабули заставило Внучку тут же навести уши.

— А что — полнолуние?! — спросила она.

— А?! Да нет, ничего, ничего, Внучка, — встрепелась Бабуля. — Красиво! Луна шпарит так, что тень свою лунную увидеть можно! Как говорится — газету читать можно... вот.

Кто-нибудь другой смолчал, хоть бы и просто из вежливости. Но Внучка, почуявшая какой-то секрет, тут же сделала охотничью стойку.

— Бабуля! — умоляюще протянула она.

— Чего?!

— Расскажи!

— Чего тебе рассказать?!

— Тут какая-то загадка! Что тут происходит в новолуние?! Тут есть оборотни? Вурдалаки? Шабаш ведьм?

Бабуля испуганно шикнула на Внучку:

— Да ну тебя! Напридумывала ерунды!

— А вот и не напридумывала! — вскочила Внучка. — Я уже неделю как собираю местный фольклор! Каждый день, когда с «тюленями» за припасами ездила, расспрашивала бабушек в деревне...

— И что? — заинтересовался Банзай.

— Они все молчат! — торжественно объявила Внучка. — Делают вид, что ничего особенного не происходит. А сами при этом бледнеют и крестятся!

— Явный заговор, — с едким сарказмом заметил Банзай.

Внучка надулась.

— А помнишь, что нам рассказывали старушки в электричке?! — спросила она, гневно трясая косичками. — Помнишь?!

— Ну да, ну да... На самоходном тракторе-призраке мы катались. Воскресших немцев видели. Наши друзья — имперские штурмовики — вполне сойдут за пришельцев с бластерами, а остальная компания — явные мутанты, сбежавшие из секретной лаборатории! — насмешливо фыркнула Мелисса.

— Смейтесь-смейтесь! — еще больше надулась девушка. — Только почему все это нам так охотно рассказывали тогда, в электричке, а сейчас — ни звука?! А местный лесник?! Помните, нам говорили, что...

— Ш-ш-ш! — вдруг зашипела Бабуля и нервно огляделась по сторонам. — Вот про него не надо!

Все удивленно уставились на Бабулю Флэш. Та неуютно заерзала. Потом вздохнула:

— Ладно... Расскажу я вам историю про нашего лесника. Персона он и правда загадочная...

Рассказ о Рязанском Лесничем

26 июня, 22:22 реального времени

Все, кто остался в лагере, сгрудились поближе к костру. Бабуля, пообедав компанию взглядом, откашлялась, прикурила сигару и заговорила таинственным голосом:

— Началось все во времена стародавние. Издавна считалось, что места вокруг этого озера — аномальные, по-тогдашнему — ведунские. И вот, говорят, когда еще при царе во все леса егерей назначать стали, никто не хотел тут лесничим становиться. Потому как, говорят, у леса свой хозяин был. Ну, прислали тогда нездешнего егеря. Отправился он в лес, избушку там, говорят, поставил. Да и пропал. Прислали другого — тоже пропал. Третий пропал — да потом объявился. Седой, как лунь, трясущийся, говорит — хоть режьте меня, а в лес не вернусь. Как о том узнали — уже никаким жалованием не могли заманить никого на должность егеря. Ну, долго, значит, дело в воздухе висело: и нужен егерь, да никто не желает. Потом явился откуда-то мужик странный. Говорят, браконьер, да такой ушлый, что ему выбор дали: либо на каторгу, либо егерем на Гиблое озеро. Так вот и стал он тут лесничим. Один раз в городе появился, сказал, мол, в лесу порядок будет, да только людям туда ходить не следует. Больше его никто и никогда не видел. Да только и правда в лесу порядок: тропинки чистые, в столицу все бумаги идут как надо. Но вот люди с Гиблого озера не возвращаются, а если и рискнет кто, потом такие ужасы рассказывает — просто страх. Стали говорить, мол, продал тот егерь душу местному лешему. Стало быть, настоящий-то егерь — леший, а человек — так, бумажки оформляет. И по сию пору так. Вроде как и назначают нового лесничего — а потом никто его больше не видит. То ли приходит он на смену предыдущему, чтобы дух его отпустить, то ли даже не знаю.

— Сказки все это, — фыркнула Мелисса, тем не менее поеживаясь и нервно оглядываясь на лесную чащу.

— Ага, сказки, — вздохнула бабуля. — А теперь пойдут дела более современные. В наши-то дни, понятное дело, шила в мешке не утаишь. Да только вот вам история совсем свежая. Рассказывал мне парень, который, собственно, все эти наши «маневры» устраивал. Тут уж дело такое: хочешь не хочешь, а надо с лесничеством договориться. Несколько лет назад, когда наш рязанский страйкбол-клуб впервые место это заприметил, пошли они в лесничество. Бумаги там все оформили, а им и говорят нервно так: надо еще разрешение у местного лесника получить. Вот вам его телефон — договаривайтесь сами. Даст добро — бумаги подпишем. А если нет — заповедник там, ищите другое место. Ну, страйкболисты — парни напористые. Долго вызванивали лесничего, но наконец вызвонили. Потом долго упрашивали, объясняли, что собираются там делать и почему именно то место, безлюдное и дикое, им так подходит. Лесник, говорят, долго хмыкал, да и сказал: ладно. Пришлите заявку на электронную почту, только, говорит, уговор: чтобы в лесу после вас чисто было. Ни бутылок, ни мусора. Деревья, говорит, живые чтобы не трогали. Мол — проверю. И если напакостите — больше не пущу.

Бабуля сделала многозначительную паузу.

— Ну, в общем, в условленный день парни приехали в лес. Сначала — только ответственные за маневры. Ну и, как полагается, прихватили с собой пузырь — лесничему выставить, чтобы, так сказать, подмаслить. А лесничего-то и нет! Они ему звонить — трубку не берет. В общем, провели маневры. Вернулись в город — а сами все затылки чешут. Не по-людски как-то... Давай ему снова звонить. Дозвонились. Говорят, мол, извините, хотели вас лично поприветствовать, да не нашли. А тот в ответ хрипло так рассмеялся — говорит, мол, и не надо. И еще говорит: мол, видел я вас, ребята вы прикольные, но аккуратные, лес не обидели, мусора не оставили, стоянки за собой убрали. Мол, леший с вами — приезжайте еще, если захотите. Так и сказал: «Леший с вами».

Бабуля обвела слушателей многозначительным взглядом.

— Так и продолжается. Когда к этому выезду готовились — я сама все видела. А

страйкболистов-то год от года любопытство разбирало: как это так, кто-то за их маневрами наблюдает, а они его и не видят?! Попытались все лесника выследить — а вот фигушки! Даже я пыталась, грешным делом... В общем, как я вам уже когда-то говорила, вроде бы и есть лесник — и нету его. Голос — есть. Почта — есть. Отчеты — есть. А самого его никто не видел.

— Ну... — нерешительно проговорила Мелисса. — Может, он просто нелюдимый... Бывает такое.

— Бывает, — не стала спорить Бабуля, таинственно пошевелив бровями. — А электричество?

— А что — электричество? — зачем-то понизив голос, спросила Мелисса.

— Я же говорила, — усмехнулась Бабуля. — Я его тоже пыталась выследить. А тут все просто: если где-то сидит человек да электронную почту проверяет — значит, есть у него компьютер. Так? Так. А если есть компьютер — значит, в розетку включен. Так? А если розетка есть — значит, к ней кабель тянется. А нет кабеля — нет и человека. Такова объективная действительность.

— И что?! — пискнула Внучка, аж трясаясь от нетерпения.

— Нету провода, — торжественно заявила Бабуля. — У энергетиков проверяла — нету. А значит, и человека нету — одна чертовщина.

Рассказ о Блуждающей Функции

26 июня, 22:38 реального времени

На какое-то время разговор прекратился: из лесу повалили «покойники». Недалеко от оврага произошла крупная перестрелка. Покойнички долго ссорились, выясняя, кто кого убил, никак не могли прийти к согласию. В результате очки были кое-как распределены, в плюсах оказались Мак-Мэд и Ксенобайт. Впрочем, программисту пришлось срочно ретироваться, так как на шум явился отслеживающий его Махмуд. Ксенобайт улизнул, а хмурый ходок был благополучно укокошен Мак-Мэдом.

Махмуд находился в очень затруднительном положении — он ведь сказал, что Ксенобайт будет его первой жертвой. Теперь они, точно пара истребителей, кружили по лесу, пытаясь взять друг друга на мушку. Преимущество Ксенобайта заключалось в том, что он мог спокойно выводить из игры других игроков, Махмуд же, коль скоро «блицкриг» провалился, вынужден был спасаться бегством, не вступая в перестрелки.

Убитых пересчитали, записали в Книгу Мертвых и через равные промежутки времени выпустили обратно в лес. Махмуд, потрясая карабином, скрылся в кустах, изрыгая страшные клятвы разделаться с пройдохой-программистом.

Однако стоило ему удалиться, с противоположной стороны в лагерь весело вкатился Ксенобайт собственной персоной. Словив кусочек шашлыка, он деловито зачерпнул из котелка кружку чая.

— И кто это тебя подстрелил? — деловито осведомился Банзай.

— Мак-Мэд, естественно, — ухмыльнулся программист. — Можно подумать, я дамся кому-то, кроме своих... Подстрелил меня, гад, как раз когда я снял того хмыря из «тюленей»... Ладно, мы с ним еще сочтемся... Что там Махмудыч? Все еще гоняется за моим скальпом?

— Ксен, расскажи страшную историю! — неожиданно потребовала Мелисса.

Программист поперхнулся чаем и вопросительно глянул поверх кружки.

— У нас тут что-то вроде вечера страшных историй, — пояснил Банзай. — Пока не расскажешь одну — не дадим тебе патронов.

— Ну, — пожав плечами, начал Ксенобайт. — В черном-черном доме, в черной-черной комнате...

— Вот только давай без этих древностей про заправку картриджа, — поморщилась Мелисса.

Ксенобайт почесал в затылке. Потом, таинственно пошевелив бровями, произнес зловещим голосом:

— Тогда я вам расскажу про Блуждающую Функцию. Я сам ее видел! Она появляется в коде, хотя никто ее не писал... В общем, когда отлаживаешь код, вдруг обнаруживаешь функцию с абсолютно непонятным названием. И понимаешь, что у тебя и в мыслях не было такого писать. Если программист хоть чуть-чуть любопытный, он обязательно полезет в декларации, чтобы посмотреть, что же это за функция такая. И тут все зависит от твоей настырности: класс за классом, библиотека за библиотекой, алиасы, псевдонимы, переопределения... В конечном итоге выясняешь, что такой функции нет. Вернее, функция-то есть, а вот ее кода — нет. Все ссылки оканчиваются несуществующим файлом.

По мере того как Ксенобайт рассказывал, глаза его все больше разгорались лихорадочным свечением.

— Я сам это видел! — страшным голосом сообщил он. — Как-то раз я весь день промучился с куском кода, пока не уснул. Среди ночи проснулся, глянул на код, ну и машинально скомпилировал, запустил в режиме отладки... И — о чудо! Все заработало! И дернул же меня черт удивиться... Точно ведь помнил: заснул как раз после того, как код десятый раз кряду вылетел по критической ошибке, даже не запустившись. Вот тогда-то, пересматривая собственную писанину, я и наткнулся на нее! Прямо в основном коде: не какой-то левый вызов, а мой, собственной рукой набранный код! Имя — мешанина символов, похожих больше на регистрационный ключ, чем на функцию, параметры абсолютно непонятные... Смотрю в декларации — нету там такой функции! В общем, добил я ее до самого конца. Уткнулся в библиотеку, которой попросту нету!

— И что?! — кисло спросила Мелисса.

— И все, — помрачнел программист. — Компилирую еще раз, а она мне, зараза: «Ба! Да у вас же тут какая-то левая функция! Файла не хватает! Не могу компилировать!» Издевается, зараза.

Все горестно вздохнули.

— Отсюда мораль, — торжественно сообщил программист. — Если что-то работает, не пытайся разобраться, **как** оно работает. Принимай мир таким, каким он есть!

— Чего и следовало ожидать от программиста, — вяло сообщила Мелисса. — Ксен, ничего менее индустриального ты придумать не мог?

— Придумать?! — возмутился до глубины души Ксенобайт. — Говорю вам: это святая правда!

— У тебя просили страшную историю, а не цитату из баг-репорта! — сурово отрезала Мелисса.

Ксенобайт встал, гордо выпрямившись. На его физиономии застыло выражение горькой иронии.

— Мне следовало бы привыкнуть, — процедил он сквозь зубы, — к непониманию ничтожеств, не способных увидеть красоты двоичного кода! Пойду, пристрелю Махмуда, может, это залечит рану в сердце и позволит хоть на миг забыться...

Только Ксенобайт скрылся в кустах, как по лесу прокатился жуткий, полный смертельного ужаса вопль.

Лагерь

26 июня, 22:59 реального времени

Все оставшиеся в лагере беспокойно переглянулись.

— Ой... Кажется, Ксенобайт настолько расстроился, что, вместо того чтобы воспользоваться карабином, перегрыз кому-то горло?! — неуверенно предположила Внучка.

— Она шутит? — с угасающей надеждой спросил не принимающий участия в Королевской Битве капитан «морских котиков».

— Ты уже достаточно хорошо знаком с Ксенобайтом, — загадочно улыбнулся Банзай.

Парень сник.

— Не, ребята, это не Ксен, — задумчиво сообщила Бабуля. — Кричали где-то возле развилки, это метров двести отсюда, он бы попросту не успел дойти. Интересно, кто так вопил? Мои бы сдохли молча, я в этом уверена!

— Наши тоже! — расправил усы Банзай.

Все с сочувствием обернулись к разом побледневшему вождю «тюленей». И тут из леса выплыло привидение...

Сначала на тропинке, ведущей в лагерь, показалось неяркое свечение. Очень скоро стало ясно, что это свечка, нервно дрожащая в руке худощавого паренька с бледным, как мел, лицом. Парень торжественно вышагивал по тропинке, оберегая свечку, как величайшее в мире сокровище, а лицо его было настолько одухотворенным, будто он готовился с минуты на минуту давать отчет святому Петру. Впрочем, как вскоре выяснилось, примерно так оно и было.

— Мужик, ты кто?! — сурово спросил его Банзай.

— Дмитрий я, — негромко и очень грустно ответил паренек.

— Царевич? Зарезанный? — с подозрением уточнил Банзай.

— Не-е... Биолог. Застреленный.

— Зачем явился?

— Для отметки в Книге Мертвых, ибо был насильственно умерщвлен арабским террористом Махмудом, о чем тот велел доложить в точности, проклиная некоего Ксенобайта. Велел также передать, что обязательства, взятые на себя, снимает, хотя этому самому Ксенобайту и назначает кровавый джихад.

На минуту все тяжело задумались. Внучка, щелкнув пальцами, перевела:

— Махмуд хотел пристрелить Ксенобайта, но в темноте перепутал. Поняв свою ошибку, понятное дело, слегка расстроился, Ксена обругал, а свою жертву послал сюда в надежде, что фраг ему все-таки запишут.

— А-а, понятно, — кивнул Банзай, делая пометку в турнирной таблице. — Отпоите бедолагу чаем, а то как бы он дуба не врезал.

— Да я, кажется, уже... — тихо прошелестел биолог.

Спустя две кружки сладкого чая молитвенная отрешенность потихоньку ушла из глаз биолога, взгляд стал более осмысленным.

— Ну, парень, — покровительственно похлопал его по плечу Банзай. — Можешь заново свыкаться с мыслью, что ты все еще жив.

— Угу, — как-то не особо радостно кивнул Дмитрий. — Хотя я уже думал — зато практику теперь можно послать куда подальше...

— Да ты просто источник оптимизма. Ну, рассказывай, как попал в наши края? И каким же это балбесом надо быть, чтобы посчитать себя мертвым, получив заряд из игрушечного карабина?!

— Просто это было уже последней каплей, — жалобно вздохнул биолог.

Рассказ биолога про Егора-опричника

26 июня, 23:15 реального времени

— Тут заповедник, вообще-то, — начал свой рассказ биолог Дмитрий. — И мы проходим практику в плавнях.

— Далеко же ты забрался! — с удивлением покачал головой Банзай.

— Ага, — уныло кивнул Дмитрий. — Заблудился я! Но началось все не с этого... Понимаете, у студентов-биологов свой фольклор. Ну... В общем... **Я его видел!**

Последние слова студент-биолог произнес таким страшным шепотом, что все

поежились.

— Кого... его? — почему-то тоже шепотом уточнил Банзай.

— Мельника Егора! — Зубы студента стали отбивать мелкую дробь.

— Это еще что за мамлюк?! — удивилась Мелисса, но Бабуля и Дмитрий вдруг яростно зашипели на нее:

— Тс-с-с! Вот не надо... Не надо так, тем более — в полнолуние...

— О, я, кажется, понимаю, — с сарказмом заметила Мелисса. — Речь пойдет о еще одной местной легенде! Ну-ну, послушаем...

— Говорят, — начал биолог, нервно перебирая пальцами по кружке, — где-то здесь, на болотах, стоит старая мельница. Ее хозяин — мельник Егор. Только никакой он не мельник, на самом деле он опричник. Звали его Егор Костолом. Говорят, тьму народу загубил в свое время. Очень любил на допросах кости ломать, одну за другой. И все приговаривал: мол, вот в отставку выйду — заживу тихо, мельницу поставлю где-нибудь в деревеньке... Да только, видать, перестарался. Как-то народ решил, что уж лучше мирно придавить его где-то в углу, чем дальше терпеть. В общем, пришлось ему скрыться в лесах. Мужики его крепко запомнили: травили по лесам, точно волка. В конечном итоге старый опричник, видать, малость свихнулся. Забрался в самую глухомань и построил там мельницу. Чего на ней молоть — непонятно, лес же кругом, шишки, что ли? А еще такая злоба в нем кипела, что мельницу его очень скоро всякая нечисть для своих слетов облюбовала. Говорили, понятное дело, что продал он душу дьяволу и при новом начальстве сделал карьеру не хуже, чем в опричниках, тем более что опыт, в общем-то, уже был. До сих пор он крутит колеса своей жуткой мельницы, а в полнолуние ходит по лесу. Тому, кого он поймает, — каюк.

— И что, ты его видел?! — тоном прокурора спросила Мелисса.

Студент сглотнул.

— Видел, — проговорил он. — Ох, видел... В общем, с начала практики меня все подкалывали. Я ведь первый раз в экспедиции... Все про Егора-опричника рассказывали, про лесника местного, который, говорят, тоже с приветом. Потом, говорят, традиция такая: посвящение в биологи. Надо в лес сходить... Ну я и пошел. Глотнул для храбрости, и пошел... И, понятное дело, заблудился. Блуждал, блуждал... А тут — **он**... Мама дорогая! Здоровый, как медведь, косматый, бородача — лопатой, за поясом — топор. Ну чистый Раскольников! Глаза — как у филина, стоит, на дерево опирается и на меня смотрит. Я его сразу узнал... Ну, думаю, все — кранты. И тут он мне говорит: «Не ходи дальше... Худо будет». Я чуть в обморок не грохнулся. А потом гляжу — его и нет уже! Только филин на ветке сидит...

— И чего же ты, дурень, доброго совета не послушал? — ласково осведомился Банзай.

— Не послушался?! Да я как шарахнулся оттуда — сам не помню, куда ноги несли... Чуть не утонул в болоте, чуть не свернул шею, свалившись в овраг... Только чуть успокоился — глядь, а на дереве черт сидит!

— Настоящий?!

— А то! Черный, как негр, только что я, негров в университете не видел?! Еще чернее! Только улыбка в темноте сверкает, как у Чеширского кота! Ну, думаю — все. Каюк! А он вдруг — шмыг! Испарился. Только я подумал, что пронесло, как вылетает этот моджахед из кустов и в меня в упор из карабина... Ну я с катушек и съехал. Бряк в кусты. А он подошел, в лицо мне посмотрел... Да как начнет материться! Потом и говорит: иди, мол, вон туда, скажи, чтобы тебя в Книге Мертвых отметили и что тебя Махмуд подстрелил. Ну и про Ксенобайта этого... Народ, после такого рейда версия о загробном мире казалась самой логичной и естественно стыкующейся с предыдущими событиями!

— Бывает, — успокаивающе похлопал парня по плечу Банзай. — Ну что, сто грамм для поправки нервов?

— Фигушки, — мрачно буркнул студент. — После ста грамм я в лес и отправился... Хватит.

Лагерь

26 июня, 23:58 реального времени

Вскоре после появления незадачливого студента-биолога битва в лесу разгулялась с новой яростью. Долго сидевший на «диете» Махмуд, плюнув на выпендрей, отводил душу, резво набирая очки и сокращая разрыв с друзьями.

Страсти накалялись. Игроки, добравшись до лагеря, хватали свежую обойму и, невнятно ворча, устремлялись обратно в лес. Мстить. Королевская Битва шла уже темпами, более сравнимыми с вирт-шутером.

После короткого затишья в лагерь вкатился обляпанный с ног до головы краской Ксенобайт. Он успел порядком напакостить почти всем участникам, подкарауливая их в засадах, выходя в тыл тем, кто был занят перестрелкой, в общем — собирал «легкие скальпы», искусно уходя от контратак по кустам. Но, что называется, и на старуху бывает проруха: программиста зажали в угол и, не сговариваясь, объявили временное перемирие, для того чтобы расстрелять. Никто даже особо не претендовал на фраз: стреляли для личного удовольствия.

Досталось наконец и Мак-Мэду. Снайпер философски воспринял поражение, выпил чаю и снова пошел на промысел.

Свирепый Махмуд рыскал по лесу, разыскивая программиста. Пару раз Ксенобайт пытался устроить на него засаду, но, кажется, уязвленная гордость, точно компас, вела Махмуда к возжеленной мести. Программист очень быстро сообразил, что дело плохо: Махмуд достиг той степени бешенства, когда уже вполне мог использовать вместо карабина полено.

Однако начиная с полуночи азарт начал стихать. Один за другим игроки, сделав отметку в Книге Мертвых, уже не спешили вернуться в лес, а, махнув рукой, подсаживались к костру. Все удивленно расспрашивали, откуда взялся Дмитрий, так что тому пришлось несколько раз пересказывать свою историю. Страйкболисты сочувственно кивали, рассказывая в утешение о своих опытах лесных блужданий. Две трети историй начинались со слов: «Выпили мы как-то...» — и во всех без исключения виновниками потери правильного направления были леший, нечистая сила, пространственные аномалии, козни пришельцев из космоса или, на худой конец, роковое стечение обстоятельств.

Незаметно разговор перешел на забавные истории, в которых самих страйкболистов принимали черт знает за что. Впрочем, как тестеры убедились на собственном опыте, страсть их новых друзей к розыгрышам отнюдь не способствовала уменьшению количества недоразумений.

— Вот, помню как-то, — смеясь, рассказывал кто-то из «тюленей», — на прошлогодних маневрах сидели мы тут, неподалеку, в лагере «имперцев»... Да-да, тех самых, с которыми и в этом году бегали. Сидим, никого не трогаем, вдруг из кустов вываливается мужик, абсолютно обалдевший, с перочинным ножиком. Кричит, мол, не подходи, гуманоиды, всех порежу! Мы ему — мужик, ты кто?! Он в ответ: грибник! Мы ему: да ты, папаша, обалдел, что ли? Какие грибы посреди ночи, садись с нами, дернем по стопочке...

— Ладно, — вдруг проговорил Банзай. — Уже за полночь... Кажется, пора подводить итоги битвы... Правда, наши моджахеды еще где-то бегают, но один фраз уже ничего не решит. Черт, где носит Махмуда и Ксенобайта?!

— А где, собственно, Внучка?! — неожиданно спросила Мелисса.

Окрестности озера Гиблого

27 июня, 00:27 реального времени

— Что-то мне это все не нравится, — проговорила Бабуля.

Внучку какое-то время ждали, решив, что она отлучилась из лагеря по какой-то надобности и скоро появится. Никто, правда, толком не мог припомнить, когда она пропала.

Минута шла за минутой, и вдруг из леса, точно дым, заструился туман... Вообще-то, такое происходило каждый день, ночью и на рассвете, ведь вокруг было полно влаги:

озеро, болото и масса мелких ручейков. Но сегодня, подкрашенный серебряным лунным светом, туман был особенно густым. Компания и глазом моргнуть не успела, как оказалось, что они сидят на тесном пятачке освещенной костром земли, а вокруг разлился серебряный кисель.

— Совсем не нравится, — кивнула Бабуля еще раз. — Как бы наши балбесы не заблудились в таком тумане! И позовите кто-нибудь Внучку!

— Внучка! — закричала Мелисса и сама осеклась.

Она кричала словно бы через вату. Густой и плотный туман работал великолепным глушителем. Банзай, почесав затылок, попытался быстро организовать что-то вроде хора:

— Так... По моей команде... Три-четыре...

Банзай взмахнул руками, точно дирижер.

— Вну-учка-а! — затаил нестройный хор.

— Плохо. Еще раз!

— Вну-учка-а!

— Вас же в пяти шагах уже ни черта не слышно! Больше жару, парни.

— Эх, балбесы... Смотрите, как надо, — вздохнула Бабуля и вдруг взревела, точно пароходная сирена: — **Внучка-а-а!!!**

Туман всколыхнулся, пойдя завитками вокруг Бабули, но ответа, естественно, не последовало.

— Придется искать по всем правилам, — озабоченно проговорил Банзай. — Растянемся цепью и пойдем прочесывать лес.

Страйкболисты и тестеры, немного поругавшись, взялись за руки и, растянувшись длинной цепью, направились в туман. Посередине цепи, оглашая окрестности басовитым ревом, шла Бабуля Флеш...

Когда вопли Бабули окончательно стихли в отдалении, к пригасшему костру выскользнула какая-то тень. Покрутившись по лагерю, она шмыгнула к одной палатке, к другой, третьей... Вернулась к костру. Постояла в нерешительности, а потом, тонко и жалобно заверещав, скрылась в тумане.

Туман

27 июня, 00:44 реального времени

Прочесывание залитого туманом леса оказалось делом гораздо более увлекательным, чем казалось ранее. Фонари, конечно, как-то скрашивали процесс, но служили в основном для самоутверждения, нежели для освещения. На расстоянии пяти шагов человек с фонарем походил на бледно сияющий кокон, его было хорошо заметно со стороны, но, увы, самому ему ничуть не помогало.

Первоначальный план идти, взявшись за руки, очень скоро потерпел фиаско. Деревья и кустарник выскакивали из тумана настолько неожиданно, что вся цепь не раз падала. Тут и там раздавались удивленные ойкания людей, треснувших лбом об дерево или ухнувших в заросшую кустарником яму.

Кроме вполне объективных неудобств туман крайне давил на нервы. Лес вокруг

превратился в какой-то абсолютно незнакомый мир. Звуки и краски погасли, а все остальное превратилось в неясные тени. При малейшем дуновении ветерка казалось, что весь этот кисельный мир начинал шевелиться, колыхаться и струиться.

Неровная цепь нервно перемигивающихся огоньков продвигалась по лесу. И только рев противотуманной Бабули мерно, через равные промежутки времени, всколыхивал туман:

— **У-у-у-а-а-а!!!**

Стоит ли удивляться, что в такой нервной обстановке для паники хватило одной-единственной искры. А искра была еще та... Впоследствии все участники событий рассказывали о них по-своему, так что правду пришлось склеивать по крохотным кусочкам, вышелушивая из груды домыслов и мнений.

Для основной группы поиска (которая, как-то так получилась, из цепи все больше перестраивалась в колонну), все началось с отчаянного вопля на высокой звенящей ноте, перекрывшего даже басовитый пеленг Бабули.

Вопил студент-биолог Дмитрий. Остаться одному в опустевшем лагере ему не хотелось нисколько, искать в тумане собственный лагерь — даже мысли не мелькнуло, так что он присоединился к новым знакомым. И вот когда он уставший, отсыревший и со взвинченными нервами проходил мимо коряги, напоминающей человекоподобного монстра, одна из ветвей коряги вдруг резко опустилась, упав ему на плечо, а потом схватив за горло. Более того, к ужасу студента, коряга оказалась ледяной, влажной и склизкой рукой. Перед самым его лицом вдруг возникла перекошенная и, как он потом клялся, уже тронутая трупным гниением физиономия утопленника. Поначалу физиономия кривилась в кровожадном оскале, но через миг перекосилась в гримасе разочарования и прорычала:

— Опять ты, ботаник?!

Нервы студента сдали, и он завопил. Утопленник, в ужасе отпрянув, скрылся в тумане, но Дмитрий уже слетел с катушек. Отчаянно подвывая, он шарахнулся в сторону, где должны были быть друзья, но увидел лишь мертвенный свет гнилушек и перекошенную рожу еще одного утопленника. Студент понял, что окружен, когда очередная тень впереди вдруг отказалась становиться миражом, превратившись в толстое дерево....

Банзай, находящийся на противоположном фланге цепи, услышал только какую-то невнятную возню. Он приостановился, чтобы выяснить, что происходит, но тут из тумана на него выпрыгнуло нечто тощее, с огромными круглыми глазами. Увидав Банзая, нечто завопило, затрясло над головой тонкими руками и шарахнулось в сторону Мелиссы.

Девушка остолбенела на миг, когда мимо нее просвистела тощая тень, но следом за ней, точно пушечное ядро тараня туман, выпрыгнуло еще что-то, гораздо более крупное и кряжистое. Заверещав, девушка лихо замахнулась добротным, прочным фонариком, задев каску соседа, а потом метким ударом... нокаутировала Махмуда.

Махмуд позже рассказывал не менее драматическую историю. Он не сразу заметил опустившийся туман. Вот уже долгое время они с Ксенобайтом кружили, погасив фонари, по самой непролазной чащобе, пытаясь подловить один другого.

Однако когда опустившийся туман сожрал все звуки, Махмуд слегка отрезвел и,

плюнув на коллегу, решил возвращаться в лагерь, тем не менее надеясь устроить засаду на подступах к костру. Так сказать — сюрприз напоследок.

Махмуд только-только начал приходить к выводу, что заблудился (на самом деле он был недалеко от лагеря), когда вдруг увидел блуждающие огоньки... Махмуд не считал себя суеверным, но, увидав огоньки, упорно оттесняющие его куда-то в сторону болот, решительно пересмотрел свои взгляды на сверхъестественное... и решил прорываться. Застыв, он решил подождать, пока цепь огоньков пройдет мимо, когда вдруг в смутном сиянии увидел Ксенобайта!

Схватив наглеца за шиворот, когда тот проходил мимо, Махмуд присмотрелся и понял, что, как ни странно, перед ним снова не Ксен, а давнишний перепуганный студент!

Махмуд и рад был бы извиниться, но студент, оставляя за собой инверсионные завихрения в тумане, стартовал в серебряную муть и заметался в ней, как мотылек у лампы. Наплевав на суеверия, Махмуд ринулся вдогонку, но в пути ботаник как-то «истаял»: стал меньше ростом, еще более прытким и зачем-то отрастил на голове две антенны. Ходок долго вихлял за студентом между тенями, когда вдруг туман вокруг расцвел на миг пышным фейерверком искр и погас, превратившись во тьму.

Что касается Бабули, она только вздохнула, когда после очередного навигационного вопля мир вокруг вдруг превратился в полный тарарам. Сохраняя мрачное спокойствие, она наблюдала, как вокруг мечутся огоньки, сталкиваясь друг с другом, падая к земле и подскакивая на метр-полтора.

Бабуля, погасив бортовые огни, долго примеривалась, выцеливая совсем тусклый, но носящийся вокруг с наибольшей скоростью огонек, который, кажется, был центром хаоса, и когда он проносился в полуметре от нее, ловко выкинула вперед руку, сцапав... Внучку!

Внучка отлучилась из лагеря всего на минутку. На секундочку, никак не больше. Как так получилось, что за это время ее успели хватиться в лагере, на лес опустился туман и была сформирована поисковая партия — она понятия не имела. Всему виной был деловито пропыхтевший мимо нее по своим делам ежик... А ведь Ксенобайт предупреждал, что этим зверям верить ну никак нельзя!

Так или иначе, от ловли ежика ее отвлек странный вой, напоминающий оповещение о воздушной атаке. Внучка, вздрогнув, поняла, что очутилась в совсем другом месте, скорее всего — в совсем другом мире.

Лагерь она в конце концов нашла. Несомненно, это был так хорошо знакомый ей лагерь... только совсем пустой! Казалось, все его население слизнул холодным влажным языком туман. На пеньке стояла чья-то недопитая кружка с чаем, в кострище лениво горел костер, палатки стояли нетронутыми... Вот только людей не было! Ни одного!

Если бы Внучка не любила произведения Стивена Кинга, она бы, наверное, испугалась не так сильно. А так — все симптомы были налицо. В общем, схватив лишь крошечный диодный фонарик, она, тихонько подвывая от страха, кинулась в лес в надежде найти хоть кого-то.

Кого-то она, несомненно, нашла. Подобно Махмуду, заметив впереди неясное свечение, Внучка устремилась за ним. Она уже почти настигла поотставший огонек и даже с облегчением различила в нем человека с фонариком в руке, когда на человека вдруг напало чудовище...

Момент, когда ошалевшая от испуга Внучка едва разминулась с несущимся навстречу роковому дереву Дмитрием, никто не запомнил. Но Махмуд непроизвольно сменил цель, уверенный, что продолжает преследовать «ботаника», вследствие чего и получил нокаут от Мелиссы.

— Все на месте?!

К счастью, отряд не успел рассеяться по всему лесу. Все-таки страйкболисты — ребята с крепкими нервами. Так что вскоре, подобрав все еще туго соображающего после удара Махмуда, сняв с дерева Дмитрия и прихватив еще пару-тройку особо впечатлительных типов, которых пришлось нокаутировать, чтобы утихомирить, горе-

спасатели собрались на берегу озера.

Тут, на более открытом пространстве, туман был менее плотным. Подгоняемые ревом Бабули, страйкболисты пересчитали друг друга.

— Потерь нет! — подвел итог Банзай. — Мы даже в плюсах. Осталось найти только Ксенобайта.

— И собственный лагерь, — саркастически заметила Бабуля, напряженно оглядывая берег. — Кто-то, вообще, представляет, где мы? Не узнаю ни одного ориентира...

— Смотрите! — вдруг хрипло проговорил кто-то. — Там... Там...

Бабуля глянула в указанном направлении. Где-то в тумане на берегу смутно виднелся какой-то огонек.

— Это не наш костер. Но пойдем, глянем, что ли...

Сбившись плотной кучкой, компания, почему-то стараясь не шуметь, двинулась вперед. Туман расступался медленно и неохотно. Сначала послышался шум небольшого водопада, потом стали неясно проступать контуры какой-то постройки...

Внучка вцепилась в руку Мелиссы. Повсюду слышались испуганные сглатывания. И вдруг туман отступил. Все увидели приземистое, чуть покосившееся строение, собранное из бревен, со здоровенным колесом сбоку.

— Старая мельница! — только и успел пискнуть биолог, прежде чем лапа Махмуда зажала ему рот.

Бабуля привычно пригнулась и короткими перебежками, погасив фонарь, принялась, от укрытия к укрытию, приближаться к мельнице. Вокруг нее тут же построился боевой клин из тестеров, Ноды и Котики быстро и сноровисто подтягивали силы.

Дверь была уже совсем рядом и хорошо видна. Бабуля задумчиво глянула на персонал. Махмуд уверенно двинулся вперед, прихватив с собой полено из поленницы, за которой они прятались. Мак-Мэд тоже выдвинулся вперед. Решительно вырвавшись из рук Мелиссы, к ним подползла Внучка. Бабуля отрицательно мотнула головой, Внучка в ответ продемонстрировала видеокамеру и помотала косичками, сигнализируя об отсутствии выбора.

Свежеиспеченная разведгруппа тихо переместилась к небольшой, ведущей на крыльцо лесенке. Бабуля тихо поднялась по ней и заглянула в полуоткрытую дверь. Какое-то время тупо таращилась на то, что увидела, потом встала, в сердцах сплюнула и махнула рукой остальным. Махмуд с поленом, Мак-Мэд и Внучка сорвались с места, спеша заглянуть в комнату...

Большую часть довольно-таки небольшой комнаты занимал солидный стол, покрытый скатертью. На столе стояли миска с вареной картошкой, трехлитровая банка с солеными огурцами и здоровенная бутылка с мутной коричневатой жидкостью явно самогонного происхождения. За столом сидели двое. Первый — широкоплечий, высокий мужик с окладистой, до пояса, бородой. Вторым был Ксенобайт, обряженный в длинную белую рубашку с широкими рукавами. Оба напряженно смотрели в стоявшие перед ними стаканы. Ксенобайт вещал. Кажется, он уже был порядком захмелевшим.

— Вот я и говорю, — подавленно говорил он слегка заплетающимся языком. — Применение всех этих стандартных библиотек скотинит и развращает программиста. Низводит его до состояния быдла. Животного. Собаки Павлова. Загорелась зеленая

лампочка — вызывай эту функцию. Загорелась синяя — другую. А почему?! П-почему лампочки загораются?!

Последнюю фразу Ксенобайт произнес с тоскливым надрывом. Гордо выпрямившись, ударил себя кулаком в грудь, потом снова сник.

— Н-никто не помнит. Никто не помнит, откуда там эти лампочки и почему горят. Ты меня понимаешь? Понимаешь, что я чувствую, когда смотрю на эти лампочки?

Мужик мрачно кивнул, выдав что-то вроде «угу» и сдвинул с Ксенобайтом стаканы.

— Ксен, скотина, — с нежностью взвешивая в руке полено, проговорил Махмуд. — Ты что же это делаешь?!

— Греюсь, — равнодушно пожал плечами программист, на задумчивой физиономии которого не дрогнул ни один мускул. Ксенобайт махнул стаканом в сторону своего собутельника. — Вот он... Из озера меня выудил. А вода там холодная, блин.

— Спасибо, конечно, за программиста нашего непутевого, — кивнула Бабуля, придерживая Махмуда за шиворот. — Ксен, ты бы нам хоть представил своего спасителя?

— А чего представлять-то? Его вся округа знает. Мельник это, Егор. Леший тутошний.

— Угу, — скупно кивнул головой мужик.

Туман

27 июня, 09:26 реального времени

Несмотря на все уговоры товарищей, несмотря на хлопнувшего в обморок Дмитрия и призывы не губить свою бессмертную душу, Ксенобайт величаво объявил, что останется на мельнице до утра.

Туман рассеялся, луна светила по-прежнему ярко, так что все общество, пройдясь вдоль берега и выйдя в знакомые места, без всяких приключений добралось до лагеря.

Рано утром «морские котики» окончательно свернули лагерь и отбыли, пообещав через несколько часов прислать машину за тестерами. Около половины девятого в лагерь явился слегка бледный, кристально трезвый и молчаливый, как Будда, Ксенобайт. Его камуфляж был помят, но чисто выстиран.

Даже Внучка не решалась расспрашивать его ни о чем до самой Рязани. И только когда они, распрощавшись с Бабулей, сели в монорельс, Внучка не выдержала:

— Ксен! Ну чего ты молчишь?! Он на тебя что, проклятие какое-то наложил?!

— Кто?! — удивленно моргнул Ксенобайт.

— Опричник Егор!

— Какой еще опричник?!

— С которым ты квасил всю ночь! Он что, стер тебе память?!

— Мельник он, а не опричник.

— Это теперь он мельник, а раньше опричником был! Нам все рассказали!

— Да чего вы к мужику-то привязались?! — искренне удивился программист.

— Так, — встрял в разговор Банзай. — Будем последовательны. Ты вообще вчерашнюю ночь помнишь?

— Помню, конечно. Махмудыч гонял меня по всему окрестному лесу, пытаюсь прижать то к озеру, то к болоту. Через болото мы с ним уже лазили, так что оба знали: никто на такое больше не пойдет. Потом спустился этот чертов туман. Я понял, что пора сматывать удочки, но не смог устоять перед искушением: решил все-таки подловить его, дав крюка и устроив засаду возле лагеря. Но промахнулся и свалился в озеро, прямиком в омут. Оттуда меня и выловил Егор.

— Ксен, не верь ему! — страшным шепотом затараторила Внучка. — Он на Ивана Грозного работал... Это его потом «мельником» прозвали. Он еще при жизни столько народу загубил, что...

Ксенобайт уставился на внучку и вяло pokrutil пальцем у виска.

— «Мельник» — это фамилия такая. Как «Мельниченко» или «Мельников». А не потому, что на «мельнице живет».

— Он же тебя заколдовал! Почему ты все утро молчал, как партизан перед ливонцами?!

— Потому что башка раскалывалась, — признался Ксенобайт. — Мы с ним ночью... того... Маленько перебрали. Вернее, я перебрал. Он немного странный, но классный мужик, работает лесником на том участке. Между прочим, именно он давал разрешение на проведение маневров.

— А! Вот! — просветлела Внучка. — А как же то, что его никто не видел? Как он в интернет выходит, если у него ни компьютера, ни сети, ни электричества нет? Бабуля говорила — в лес никаких магистралей не проложено...

Ксенобайт вздохнул.

— У него там целый машинный зал. Интернет — через спутник, на крыше — тарелка, вы ее просто не заметили в темноте. А питание... Вы его мельницу видели?! Это же генератор! Я же вам говорю: уникальный мужик, на полном самообеспечении. Еще мистические элементы будут?

— Чем вы там занимались всю ночь? Кроме рассуждений о порочности объектно-ориентированного программирования? — мрачно спросила Мелисса.

Глаза Ксенобайта воровато забежали. Наконец он признался:

— В С&С рубились. Самый первый, не виртуальный.

Тестеры погрузились в молчание: никто так и не смог придумать достойного комментария к этому факту.

— Я сюда еще раз приеду, — вдруг сказал Ксенобайт, задумчиво глядя на проносящиеся за окном леса. — Егор приглашал. Зимой. Баньку обещал, мед и блины. Так что если после Нового года еще какую авантюру задумаете — предупреждаю заранее, я пас.